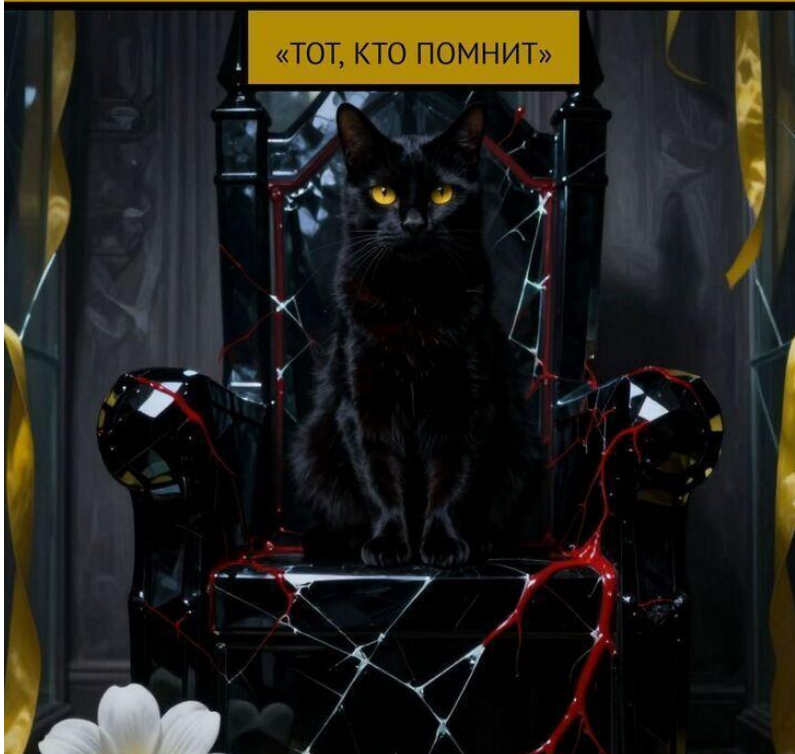

18+

ДМИТРИЙ ГОЛЯКОВ

Ленмор

«ТОТ, КТО ПОМНИТ»

Дмитрий Голяков

Ленмор. Тот, кто помнит

<https://litres.ru/74148188>

ISBN 9785006996984

Аннотация

Ленмор — мир, где стены помнят, а скорбь стала законом. Король Аурелиан возомнил себя богом и правит железной верой. Майлз Рейвен, криминальный психолог с Земли, попадает в Ленмор во сне. Его приговор — доказать, что король смертен. Если он не успеет за три дня, то займет место в стеклянном гробу. Его оружие — психология. Его враг — абсолютная вера. Его единственный союзник — чёрный кот с человеческими зубами.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ. «ЦВЕТОК ДЛЯ ЛЕНОР»	5
ГЛАВА ВТОРАЯ. «ЧЕРНЫЙ КОТ И КИРПИЧНАЯ СТЕНА»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ленмор

Тот, кто помнит

Дмитрий Голяков

© Дмитрий Голяков, 2026

ISBN 978-5-0069-9698-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«ЦВЕТОВ ДЛЯ ЛЕНОР»

Майлз Рейвен проснулся от запаха гниющих листьев.

Это было неправильно уже хотя бы потому, что последнее, что он помнил перед сном, — стерильный воздух собственной спальни, кондиционер на восемнадцать градусов и белый шум вентилятора. Его квартира пахла озоном, кофе и ничем. Никогда — ничем. Он тщательно следил за этим.

Запах гниения был запахом жизни. А жизнь была грязной, непредсказуемой и, с точки зрения клинического психолога с пятнадцатилетним стажем, глубоко травмирующей.

Он открыл глаза.

Потолок оказался не его потолком. Вместо гладкой белой краски — старые дубовые балки, покрытые чёрной плесенью. С них свисали ленты. Жёлтые. Много. Они покачивались, хотя никакого сквозняка Рейвен не чувствовал. Ленты шевелились сами по себе, как щупальца медуз, застывших в мутной воде.

Он лежал на чём-то твёрдом и холодном. Камень. Или металл, покрытый тонким слоем мха. Рейвен провёл ладонью по поверхности — под пальцами хрустнули сухие лепестки роз. Чёрных роз. Они были рассыпаны по всему полу, смешаны с битым стеклом и вороньими перьями.

— Не двигайтесь, — сказал голос.

Голос принадлежал женщине, но звучал так, будто его пропустили через шумовой фильтр и затем склеили из трёх разных записей. Рейвен медленно повернул голову. Шея болела — так бывает, когда спишь в неестественной позе. Или когда кто-то вколол вам мощный миорелаксant.

Он не помнил уколов.

Женщина стояла в трёх метрах. Она носила форму, которая не принадлежала ни одной армии на Земле: чёрный корсет поверх серого балахона, высокие сапоги с медными пряжками и маску. Маска была сделана из фарфора, раскрашенного под лицо трагической актрисы: идеальные брови, румянец на щеках, но глаза закрыты — нарисованные веки со скорбной полуулыбкой. Женщина смотрела сквозь прорези для глаз, но Рейвену показалось, что прорезей нет. Она видела сквозь фарфор.

— Ваше лицо, — сказала женщина. — Оно неправильное.

Рейвен моргнул. Он специально держал нейтральное выражение. Ни страха. Ни агрессии. Ничего, что могло бы спровоцировать нападающего. Стандартный протокол при неопределённой угрозе. Но, похоже, здесь этот протокол не работал.

— Что именно не так с моим лицом? — спросил он. Голос звучал ровно. Он контролировал дыхание.

— Вы не скорбите, — ответила женщина. — Сегодня День Желтой Ленты. Восьмая годовщина смерти Ленор. Все лица

должны выражать скорбь. Уровень скорби определяется степенью наклона левого уголка губ и влажностью глаз. У вас — ноль по обоим параметрам. Это преступление.

— Какая статья?

Женщина молчала три секунды. Потом достала из-за пояса предмет, который Рейвен сначала принял за кинжал. Но это была книга. Тонкая, в переплёте из человеческой кожи — он узнал текстуру, он видел такие в музее криминалистики. Женщина раскрыла книгу на нужной странице и прочитала вслух:

— «Раздел четвёртый, параграф семнадцать. Оскорбление эстетики публичного траура путём демонстрации неподобающего лицевого паттерна. Наказание: арест на срок до трёх суток либо доставка ко двору для личного эстетического суда короля Аурелиана Первого».

Рейвен запомнил имя. Аурелиан. Король.

Он не знал этого имени. Не знал этой женщины. Не знал запаха гниющих роз и жёлтых лент. Но он знал одно: он спит. Или умер. Или сошёл с ума. Третье было наименее вероятно — он проверял себя на диссоциативные расстройства раз в полгода, это была профессиональная привычка.

— Я хочу понять, — сказал Рейвен медленно, поднимаясь на ноги. Пол качнулся, но он удержал равновесие. — Какое выражение лица вы считаете соответствующим скорби?

— Вот это, — женщина указала на свою фарфоровую маску.

— Но это не лицо. Это маска.

— Для нас это одно и то же.

Она шагнула вперёд. Рейвен заметил, что у неё нет тени. Или тень есть, но она падает в другую сторону — туда, где нет источника света. В комнате вообще не было окон. Источником света служили три свечи, воткнутые в череп вороны. Череп парил в воздухе.

Рейвен сделал мысленную пометку: «Нелогичность. Физика нарушена. Либо галлюцинация, либо сон, либо новая форма реальности».

— Вы арестованы, — сказала женщина.

— Кем именно вы арестованы? — переспросил Рейвен, поправляя её грамматическую ошибку автоматически — тоже профессиональная привычка.

Женщина замерла. Это была не заминка. Это был шок. Она смотрела на него так, будто он только что вырвал себе сердце и съел на её глазах.

— Вы... поправили мою речь? — спросила она шёпотом.

— Грамматическую ошибку. «Кем именно вы арестованы» — родительный падеж, а не винительный.

— Это невозможно. Никто не поправляет Стражей Порядка. Это запрещено указом номер девять.

— Тогда арестуйте меня и за это.

Рейвен не знал, зачем он провоцировал её. Возможно, чтобы проверить границы. В любой нестабильной среде первое, что делает психолог — ищет правила. И проверяет, на-

сколько они жёсткие. Женщина с фарфоровой маской могла ударить его. Могла застрелить. Могла применить магию, если она здесь существует. Вместо этого она... растерялась.

Она не знала, что делать с человеком, который не боится.

— Вы не скорбите, — повторила она, но теперь в её голосе звучало сомнение. — Вы не скорбите, вы поправляете Стражей, и у вас... — она заглянула в свою книгу, потом снова подняла глаза. — У вас неправильный цвет глаз.

— У меня серые глаза. Самый распространённый цвет.

— У нас все глаза чёрные. Чёрные от скорби. Чёрные от Ленор. Ваши глаза — они не чёрные. Это значит, что вы не из Ленмора.

— Не из Ленмора, — эхом повторил Рейвен.

Название ударило его. Ленмор. Он никогда не слышал этого слова, но оно ощущалось... знакомым. Как имя человека, которого ты встретил во сне и забыл при пробуждении.

Женщина резко выпрямилась.

— Инородец. Еретик реалист. Вас нужно к королю.

Она щёлкнула пальцами. И мир вокруг Рейвена сложился.

Не провалился. Не исчез. Именно сложился — как бумажный лист, который сминают в комок. Стены с балками, череп вороны, жёлтые ленты, чёрные розы — всё это сжалось в точку, а затем развернулось заново.

Рейвен стоял в длинном коридоре.

Стены коридора были стеклянными. За стеклом — ничего. Абсолютная чернота, в которой иногда вспыхивали и

гасли огни, похожие на далёкие молнии. Пол был выложен плиткой из того же чёрного мрамора, что и в комнате, но теперь Рейвен заметил, что плитка дышит. Она слегка приподнималась и опускалась с ритмом лёгких.

В конце коридора стоял трон.

Стеклянный трон.

Он был огромен — метра четыре в высоту, вырезан из цельного куска тёмного стекла с прожилками, похожими на кровеносные сосуды. На троне сидел человек.

Он был молод. Лет тридцать пять, не больше. Длинные чёрные волосы падали на плечи, лицо — бледное, острое, с такими глубокими тенями под глазами, что казалось, будто кто-то вдавил ему глазницы большими пальцами. Он был одет в чёрный камзол, расшитый серебряными нитями, но нити складывались не в узоры, а в слова. Рейвен прищурился и прочитал: «Никто не умрёт, если никто не поверит в смерть».

Король Аурелиан улыбался.

Это была не улыбка безумца. Рейвен видел безумцев. Тысячи часов записей допросов, сотни личных дел. Безумец улыбается либо слишком широко, либо вообще невпопад. Аурелиан улыбался ровно, спокойно и с абсолютным контролем над каждым мускулом лица.

Это была улыбка человека, который знает, что он прав. И которого никогда не переубедить.

— Приведите еретика, — сказал король.

Голос Аурелиана звучал не из горла. Он звучал изнутри головы Рейвена. Как чужая мысль, которую невозможно отличить от своей.

Женщина с фарфоровой маской толкнула Рейвена в спину. Он сделал три шага вперёд. Коридор был длиной метров пятьдесят, но эти три шага каким-то образом приблизили его к трону вплотную. Рейвен почувствовал, как пол под ногами выгнулся, сокращая расстояние.

— Логика Ленмора, — прокомментировал король, заметив его взгляд. — Расстояние — это не расстояние. Это степень желания дойти. Я очень хотел, чтобы ты подошёл быстрее. Поэтому ты подошёл.

— Я не хотел подходить быстрее, — сказал Рейвен.

— Ах, — король прижал пальцы к губам, изображая удивление. — Но я хотел. Моё желание сильнее твоего. В этом и состоит власть, психолог. Не в том, чтобы заставить других хотеть того же, что и ты. А в том, чтобы твоё хотение весило больше, чем их.

Он знал, что Рейвен психолог. Откуда?

— Вы знаете, кто я, — сказал Рейвен. Это был не вопрос.

— Я знаю всё, что достаточно сильно захотел узнать, — Аурелиан подался вперёд. Стекланный трон скрипнул, как живое существо. — Ты — Майлз Рейвен. Сорок один год. Криминальный психолог. Не женат. Не имеешь детей. Спишь по четыре часа в сутки, пьёшь чёрный кофе без сахара, слушаешь записи допросов перед сном, потому что те-

бе снятся кошмары, если ты засыпаешь в тишине. Твой последний пациент, Элиас Винтер, возомнил себя богом. Убил семерых, включая собственную дочь. Ты не смог его остановить. Ты до сих пор винишь себя. Поэтому ты здесь.

Рейвен молчал.

Это была правда. Каждое слово. Даже то, чего он не говорил ни одному живому человеку. Даже про сны.

— Я не бог, — сказал Аурелиан, и его улыбка стала шире. — Я лучше. Я — человек, который помнит, что такое быть богом. Элиас Винтер был болен. У него была шизофрения, галлюцинации, бред величия. У меня — ничего этого. Я просто знаю. И моё знание превращается в реальность. Видишь?

Он щёлкнул пальцами. Между ними вспыхнул цветок. Чёрная роза, как те, что лежали на полу в первой комнате, но живая. Она росла прямо из воздуха, раскручивая лепестки, как киноплёнку.

— Это иллюзия, — сказал Рейвен.

— Докажи.

— Я не могу доказать, что это иллюзия. Это логически невозможно. Иллюзия определяется тем, что она не соответствует объективной реальности. Но у меня нет доступа к объективной реальности. У меня есть только мои органы чувств. И они говорят мне, что цветок пахнет розами и имеет текстуру лепестков.

— Так ты признаёшь, что цветок реален?

— Я признаю, что я не могу опровергнуть его реальность

в данный момент. Это разные вещи.

Король захлопал в ладоши.

Медленно. Торжественно. Как в театре.

— Ты мне нравишься, — сказал он. — Большинство еретиков, которые попадают в Ленмор, начинают кричать. Или молиться. Или доказывать, что они спят. Ты — нет. Ты анализируешь. Это ценно. Поэтому я дам тебе шанс.

Он встал с трона.

Стекло под ним треснуло. Не от тяжести — Рейвен видел, что король лёгкий, почти бесплотный. Стекло треснуло потому, что Аурелиан захотел этого. Жест. Эффект. Театр.

— Ты должен доказать, что я не бог, — сказал король, спускаясь по ступеням. Босые ступни оставляли на стекле кровавые следы. — Не то что я болен. Не то что у меня галлюцинации. А именно что я — не бог. Докажи это так, чтобы я поверил. У тебя три дня.

— А если я не докажу?

— Тогда ты займёшь место в гробу Ленор. — Аурелиан кивнул в сторону. Рейвен проследил за его взглядом. В углу за тронем стоял гроб. Стекланный, как и трон. И в нём кто-то лежал. — Каждое утро мы хороним Ленор. Но гроб всегда пуст. Это символ. Понимаешь? Символ вечной утраты. Если ты проиграешь, гроб перестанет быть символом. Он станет твоим домом.

— А если докажу? — спросил Рейвен.

Король подошёл к нему вплотную. Рейвен почувствовал

запах — ладан, кровь и гниющие фрукты. И ещё что-то. Что-то знакомое. Запах палаты для буйных.

— Если докажешь, — прошептал Аурелиан, — я казню себя сам. Ты получишь звание Главного Еретика Ленмора и свободный выход из города. Или обратно на твою Землю. Или куда захочешь. Честно?

— Короли не бывают честными.

— Я не король. Я бог.

Он отступил на шаг, развёл руками, и весь зал — стеклянный коридор, трон, гроб, чёрные плитки пола — всё это вдохнуло. Рейвен услышал, как стены вздохнули, как живое существо.

— Три дня, психолог, — сказал Аурелиан. — Первый день начинается сейчас. Стражи, отведите его в камеру. И дайте ему... бумагу. Пусть рисует свои схемы. Мне интересно, что получится.

Женщина с фарфоровой маской схватила Рейвена за локоть. И мир снова сложился.

Камера оказалась библиотекой. Рейвен понял это не сразу. Сначала ему показалось, что его привели в склеп — слишком сильно пахло сыростью, плесенью и старыми чернилами. Но когда глаза привыкли к темноте, он разглядел стеллажи. Высокие, до потолка, сделанные из чёрного дерева, они уходили вверх и терялись во мраке. На полках — книги. Тысячи. Может быть, десятки тысяч.

— Это ошибка, — сказал Рейвен женщине с фарфоровой

маской.

— Король не ошибается.

— Я про камеру. Обычно заключённых содержат в помещениях без стимуляции. Книги — это стимуляция. Информация. Инструменты для побега. Ваш король дал мне оружие.

Женщина наклонила голову. Фарфоровая маска блеснула в свете единственной свечи, которая горела на столе посередине комнаты.

— Аурелиан дал тебе не оружие, — сказала она. — Он дал тебе доказательства своей правоты. Все книги в Ленморе написаны им. Или о нём. Или под его диктовку. Читай сколько хочешь — каждая страница укрепит твою веру в то, что он бог. Это не библиотека. Это ловушка.

Она шагнула назад, за пределы круга света.

— Твоя еда будет приходить три раза в день. Горшок под столом. Если попытаешься сбежать — мы тебя не поймаем. Потому что тебя поймает сам Ленмор. Стены здесь помнят всё. И они не любят тех, кто не скорбит.

— Подождите, — сказал Рейвен.

Она остановилась.

— Как вас зовут?

— Зачем тебе?

— Потому что если я буду называть вас «Страж» или «женщина в маске», я дегуманизирую вас в своём сознании. А дегуманизация — первый шаг к жестокости. Я не хочу

быть жестоким к человеку, который просто выполняет работу.

Женщина молчала. Свеча моргнула — или это ветер прошёлся по комнате, хотя откуда здесь ветру?

— Серена, — сказала она наконец. — Меня зовут Серена.

— Спасибо, Серена. У меня есть ещё один вопрос.

— Один.

— Тот гроб. За троном. Кто в нём лежал?

Тишина стала другой. Более плотной. Рейвен почувствовал, как воздух в комнате сжался, как будто стены сделали вдох.

— Никто, — сказала Серена. — В этом и проблема. Там всегда никто. Но каждое утро мы оплакиваем Ленор так, будто она умерла вчера. И каждый вечер мы забываем, что гроб пуст. Король приказал нам помнить только скорбь, но не её причину.

— Это классический симптом диссоциативной амнезии, наложенной на коллективную травму, — сказал Рейвен. — Если перенести на уровень общества...

— Я не знаю твоих слов, — перебила Серена. — Я знаю только, что сегодня утром я плакала над пустым гробом. И завтра буду плакать снова. И послезавтра. И так до тех пор, пока король не умрёт или не состарится настолько, что забудет приказать.

— А если король умрёт?

— Тогда тот, кто займёт трон, прикажет плакать по-дру-

гому. Или смеяться. Или танцевать на костях. Разницы нет. Ленмор — это не страна. Ленмор — это привычка.

Она ушла. Рейвен слышал, как её шаги затихают в каменном коридоре за дверью. Дверь была деревянной, тяжёлой, с железной ручкой в виде вороньей головы. Замка не было. Серена сказала правду: их удерживали не стены. Их удерживала сама реальность.

Рейвен сел за стол.

Свеча горела ровно. Пламя не колыхалось, но и не стояло на месте — оно двигалось какими-то неправильными, ломаными траекториями, как будто подчинялось не физике, а чужой воле. На столе лежали три предмета: кувшин с водой, глиняная кружка и стопка бумаги. Бумага была грубой, серой, с рваными краями. Рядом — перо. Не шариковая ручка, не карандаш. Настоящее гусиное перо, с чернильницей из тёмного стекла.

Рейвен взял перо. Подержал в пальцах. Вспомнил, как в детстве отец учил его каллиграфии — «чтобы мысли были красивыми, они должны ложиться на бумагу красиво». Отец умер, когда Рейвену было двадцать. Инфаркт. Слишком много сигарет и слишком мало радости.

Он макнул перо в чернильницу. Чернила оказались красными. Не ярко-красными, а тёмными, цвета запёкшейся крови.

— Конечно, — пробормотал Рейвен. — Красные чернила. Потому что чёрные были бы слишком оптимистично.

Он начал писать.

Не план побега. Не психологический портрет короля. Сначала — протокол.

Рейвен всегда начинал с протокола. Это была его профессиональная деформация: прежде чем анализировать хаос, нужно зафиксировать его в максимально структурированном виде. В ФБР, где он стажировался двенадцать лет назад, этому учили на первом занятии по криминальной психологии. «Дьявол в деталях, — говорил инструктор. — Но только если ты эти детали записал».

Он вывел на первом листе:

ПРОТОКОЛ НАБЛЮДЕНИЯ №1

Субъект: Майлз Рейвен (я).

Локация: «Ленмор» (предположительно неземное пространство, природа не определена).

Дата: Неизвестна. **Время:** предположительно ночь (отсутствие естественного освещения).

Физические параметры окружения:

Температура воздуха: около +12° С (ощущается как сырой холод).

Запахи: плесень, старые чернила, ладан, гниющие фрукты (следы короля), кровь (следы короля на ступенях трона).

Акустика: шаги Серены затихли через 15 секунд после выхода. Дальнейшая тишина — абсолютная. Отсутствие звуков жизнедеятельности города (птицы, ветер, голоса).

Освещение: одна свеча. Пламя ведёт себя аномально (ло-

маная траектория). Длительность горения неизвестна — возможно, не подчиняется законам окисления.

Свидетели:

«Король Аурелиан». Мужчина, 35—40 лет. Признаки: истощение (тени под глазами, худоба), отсутствие обуви, камзол с вышитыми текстами. Ключевая цитата: «Я — человек, который помнит, что такое быть богом».

«Страж Серена». Женщина, возраст не определён (25—45). Фарфоровая маска, форма чёрного корсета и серого балахона. Ключевая цитата: «Ленмор — это не страна. Ленмор — это привычка».

Аномалии, зафиксированные органами чувств:

Отсутствие тени у Серены (или тень падала в неправильном направлении).

Сокращение расстояния при движении к трону (три шага = пятьдесят метров).

Цветок из воздуха (чёрная роза). Тактильно и ольфакторно реален, но источник происхождения отсутствует.

«Складывание» пространства при перемещении (эффект телепортации без потери сознания).

Предварительные гипотезы:

А. Сон (уровень осознанности высок, болевые ощущения присутствуют — маловероятно).

Б. Галлюцинация (токсическая, шизофреническая или вызванная внешним воздействием) — возможно, но требу-

ется проверка на когерентность.

В. Иная реальность (параллельный мир, симуляция, коллективный бред) — наиболее вероятно на данный момент.

Задача: Доказать королю Аурелиану, что он не бог.

Срок: 3 дня (начало отсчёта — момент появления в тронном зале).

Рейвен отложил перо. Красные чернила блестели на бумаге, ещё не высохнув. Он прочитал написанное и почувствовал привычное удовлетворение — порядок был восстановлен. Даже если вокруг хаос, даже если реальность нарушает законы физики, у него есть документ. Документ — это якорь.

Теперь нужно было думать.

Он встал и подошёл к ближайшему стеллажу. Книги стояли в беспорядке — никакой системы, никаких каталожных карточек. Корешки были сделаны из кожи, ткани, металла и чего-то, что напоминало засушенную человеческую кожу (Рейвен решил пока не проверять). Названия — выбиты золотом или выведены от руки:

«О природе скорби в условиях вечной осени»

«Стеклянный трон: история одного восшествия»

«Ленмор и его короли: том XVII (неоконченный)»

«Как плакать правильно: иллюстрированное пособие для придворных»

«Законы Аурелиана Первого с комментариями самого Аурелиана»

Рейвен вытащил последнюю книгу. Она была тонкой, страницы — из пергамента, пахнущего овцой. Он открыл наугад.

«Статья 1. Каждый гражданин Ленмора обязан носить чёрные глаза. Если ваши глаза не чёрные — вы не гражданин. Если вы не гражданин — вы еретик. Если вы еретик — вы имеете право на один вопрос к трону. После ответа на вопрос вы будете казнены или облагорожены. Решение принимает король в момент ответа.»

Рейвен перелистнул.

«Статья 13. Сон запрещён в часы с полуночи до рассвета. Если вы спите в это время — значит, вам не снятся кошмары Ленмора. Если вам не снятся кошмары — значит, вы не любите Ленмор достаточно сильно. Наказание: вы должны будете пересказать свои сны придворному сновидцу. Если ваши сны окажутся недостаточно кошмарными, вы будете приговорены к сновидению под надзором.»

«Статья 47. Каждый четвёртый вторник месяца объявляется Днём Жёлтой Ленты. В этот день все лица должны выражать скорбь. Степень скорби определяется специальной комиссией. Комиссия состоит из трёх человек, которые не скорбят никогда. Их работа — ловить тех, кто не скорбит достаточно убедительно.»

Рейвен закрыл книгу.

Это было безумие. Но не хаотичное безумие — системное. Аурелиан создал не просто набор сумасшедших зако-

нов. Он создал логику, работающую по своим правилам. В этой логике были свои аксиомы (Ленмор существует, скорбь — высшая ценность, король — бог) и свои теоремы (следствия из аксиом). Если принять аксиомы, всё остальное становилось... не разумным, но последовательным.

— Он не шизофреник, — вслух сказал Рейвен. — Как минимум, не чистый шизофреник. У него есть система. У шизофреников система распадается. У Аурелиана — нет. Значит, либо он гений, либо...

Он не договорил.

Свеча моргнула. Пламя дёрнулось и приняло новую форму — теперь оно напоминало женский силуэт. Рейвен смотрел, как язычок огня изгибается, рисуя в воздухе профиль девушки с распущенными волосами.

— Ленор, — прошептал он.

В тот же миг пламя выпрямилось. Стало обычной свечой. Но осадок остался.

Рейвен вернулся к столу и взял перо. На новом листе он написал:

ВОПРОСЫ, ТРЕБУЮЩИЕ ПРОВЕРКИ:

Кто такая Ленор? Умерла ли она на самом деле или это конструкт?

Почему король ходит босиком? (Ритуальная уязвимость? Желание чувствовать боль?)

Как «Гипно-логика» работает на расстоянии? (Цветок по-

явился рядом с королём. Если он внушил реальности, что цветок существует — каков радиус действия?)

Есть ли в Ленморе люди, которые не подчиняются королю? (Серена упомянула «того, кто займёт трон». Значит, есть альтернативы.)

Почему я? Почему Аурелиан выбрал именно меня, а не какого-то другого «еретика реалиста»?

Последний вопрос был самым важным.

Рейвен вспомнил слова короля: «Элиас Винтер был болен. Ты не смог его остановить. Поэтому ты здесь».

Это не было случайностью. Аурелиан знал о его самом большом провале. Значит, он либо читал мысли, либо получил информацию из другого источника. Чтение мыслей — слишком удобное объяснение. Рейвен не верил в удобные объяснения.

— Он провоцирует меня, — сказал Рейвен. — Он хочет, чтобы я относился к нему как к Элиасу. Чтобы я пытался «вылечить» его. И тогда я проиграю, потому что... потому что Элиаса я не вылечил.

Он сжал перо так сильно, что оно хрустнуло.

— Чёрт.

Гнев был ошибкой. Гнев затуманивает анализ. Рейвен закрыл глаза и сделал три глубоких вдоха — техника, которую он рекомендовал своим пациентам. Когда он открыл глаза, пульс выровнялся.

Он посмотрел на книги. Потом на дверь. Потом на свечу.
— Три дня, — сказал он. — У меня есть три дня, чтобы доказать, что бога не существует, человеку, который создал целый мир, чтобы доказать обратное.

Он усмехнулся. Впервые за много часов.

— Звучит как вторник.

Рейвен встал и направился к дальнему стеллажу. Если библиотека — это ловушка, то в любой ловушке есть слабое место. Он найдёт его. Не потому что он умнее короля. А потому что он знает одну вещь, которую Аурелиан, возможно, забыл.

Вера требует сомнения. Без сомнения вера превращается в знание. А знание — это смерть веры.

Он должен заставить короля усомниться.

Даже если для этого придётся разрушить Ленмор до основания.

Рейвен простоял у стеллажа почти час.

Он перебирал книги, делал пометки в своём протоколе, пытался найти систему. Сначала ему казалось, что книги расположены по темам — законы отдельно, история отдельно, поэзия отдельно. Но чем дальше он углублялся в ряды, тем яснее становилось: никакой системы нет. Сборник законов соседствовал с любовным романом, любовный роман — с анатомическим атласом, атлас — с книгой рецептов (в которой все рецепты заканчивались словами «и посыпать пеп-

лом»).

— Это не библиотека, — пробормотал Рейвен. — Это архив безумца. Он собирал всё, что попадалось под руку. Без фильтра. Без критического отбора.

Он вытащил очередной том — кожаный переплёт, никакого названия на корешке — и открыл.

Страницы были пустыми.

Рейвен нахмурился. Перелистнул. Пусто. Ещё. Пусто. Вся книга — сто двадцать страниц — чистый пергамент, даже без разлиновки.

Он уже хотел бросить её обратно на полку, но что-то остановило. Запах. Книга пахла не так, как остальные. Остальные пахли плесенью, чернилами, старым клеем. Эта пахла... ничем. Абсолютная стерильность. Так пахнут новые пластиковые карты или операционные после стерилизации.

Рейвен поднёс книгу к свече.

На первой странице, в самом углу, слабо проступили буквы. Они были едва видны — не нанесены чернилами, а скорее выдавлены в пергаменте, как след от очень сильного нажатия пера без чернил.

Он прищурился. Буквы складывались в слова.

«Если ты читаешь это — значит, ты уже здесь.»

Сердце стукнуло раз. Два. Три. Рейвен заставил себя дышать ровно.

Он перевернул страницу.

Следующая была пустой. И следующая. И ещё десять. Но

на двенадцатой — снова буквы. Те же. Тот же почерк — острый, угловатый, с непривычным наклоном влево. Почерк левши.

«Ты не спишь. Ты не умер. Ты не сошёл с ума. По крайней мере, не в том смысле, который ты привык понимать.»

Рейвен провёл пальцем по буквам. Они не были рельефными — скорее, оптической иллюзией. Если смотреть прямо — их нет. Если смотреть чуть в сторону — они проявляются, как периферическое зрение ловит движение в темноте.

Он перевернул ещё несколько страниц. Пусто. Пусто. Пусто. И вдруг — целый абзац.

«Ты сейчас думаешь: „Это послание написано специально для меня. Кто-то знал, что я окажусь в этой камере, и подготовил ловушку“. Ты прав в первой половине. Это послание — для тебя. Но это не ловушка. Это подсказка. Единственная, которую ты получишь. Дальше ты должен будешь разбираться сам.»

Рейвен отложил книгу. Встал. Прошёлся по комнате.

Медленный шаг. Один круг. Второй.

Мысли метались. Он запретил себе паниковать — паника убивает рациональность, а рациональность — единственное оружие, которое у него есть. Но игнорировать происходящее было невозможно.

Книга, написанная специально для него. В мире, где он оказался меньше часа назад. Кем? Когда? И главное — зачем?

Он вернулся к столу и продолжил читать.

«Ты должен понять три вещи. Первая: Аурелиан не врёт, когда говорит, что он бог. В том смысле, в каком Ленмор понимает „бога“. Он действительно может менять реальность силой убеждения. Не магия. Не колдовство. Просто вера. Его вера тяжелее, чем вера любого другого человека в этом мире.»

«Вторая: у этой веры есть границы. Аурелиан не может создать то, во что он сам не верит. Поэтому он не может воскресить Ленор. Он не верит, что мёртвые возвращаются. Он верит только в бесконечную скорбь. Поэтому скорбь бесконечна, а Ленор — нет.»

«Третья: ты здесь не случайно. Ты здесь, потому что Аурелиан боится. Не тебя. Того, кого ты напоминаешь. Того, кто уже однажды доказал ему, что он не бог. Того, кто после этого исчез. Найди его. Или найди, что от него осталось.»

Буквы на этой странице были неровными, смазанными — как будто писавший торопился или у него дрожала рука.

Рейвен перевернул ещё несколько страниц. Пусто. Пусто. И наконец — последнее послание, на предпоследней странице книги.

«Не верь ничему, что говорят стены. Стены здесь — самые главные лжецы. Они запоминают всё, но пересказывают только то, что выгодно королю. Если хочешь правды — слушай тех, кто не говорит. У мертвых нет причин лгать.»

Ниже — одна строка, выведенная с такой силой, что пер-

гамент был протёрт почти до дыры:

«Найди гробницу Ленор. Не ту, что во дворце. Настоящую. Там — ключ.»

Книга закончилась.

Рейвен закрыл её и положил на стол. Руки слегка дрожали — не от страха, от адреналина. Он узнал этот почерк. Он видел его раньше. Не в этом мире — на Земле. В деле Элиаса Винтера.

Элиас вёл дневник. Три толстые тетради, исписанные мелким, нервным почерком с наклоном влево. Тот же самый наклон. Те же самые острые углы. То же давление на перо — сильное, почти агрессивное.

Но Элиас Винтер был мёртв. Рейвен сам подписал заключение о его смерти. Пуля вошла в висок, когда спецназ пошёл на штурм. Он видел тело. Он видел, как врач констатировал смерть в 03:47 ночи.

— Или нет? — спросил он вслух.

Тишина не ответила.

Рейвен взял перо и записал в протокол:

ДОПОЛНЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ №1

Обнаружен артефакт: книга без названия, 120 страниц, из них 3 содержат текст, адресованный лично мне. Почерк идентичен почерку Элиаса Винтера (умер 23.09.2019, подтверждено документально).

Содержание послания:

Аурелиан — бог в локальном смысле (сила убеждения).

Граница силы: нельзя воскресить мёртвых, в которых не веришь.

В Ленморе был некто, кто уже доказывал королю его смертность.

Следует найти настоящую гробницу Ленор.

Стены лгут. Мертвые не лгут.

Предварительный вывод: Либо Элиас Винтер жив и каким-то образом находится в Ленморе, либо Ленмор имеет доступ к моим воспоминаниям и использует образ Элиаса как психологическое оружие. Второе вероятнее, но первое нельзя исключать.

Он отложил перо и посмотрел на дверь.

Замка не было. Серена сказала, что его не будут ловить, потому что его поймает сам Ленмор. Что это значит? Стены помнят всё — так она сказала. Помнят и... что? Сообщают королю? Превращаются в тюремщиков?

Рейвен подошёл к стене. Камень был холодным, шершавым, покрытым тонким слоем зелёного мха. Он провёл ладонью по поверхности. Ничего. Обычный камень. Но когда он отнял руку, на камне остался отпечаток — не его ладони, а чего-то другого. Форма напоминала человеческое лицо, застывшее в крике.

Он моргнул. Отпечаток исчез.

— Стены помнят, — повторил он. — Но они не только помнят. Они смотрят.

Рейвен отошёл от стены и сел на пол, скрестив ноги. Так он обычно делал во время сеансов с пациентами — на одном уровне, без барьера в виде стола. Поза, которая располагает к доверию. Сейчас ему нужно было расположить к доверию самого себя.

Он закрыл глаза.

«Давай по порядку, Майлз. Ты проснулся в неизвестном месте. Тебя арестовали за выражение лица. Король этого мира — безумен, но системно. Он дал тебе три дня, чтобы доказать, что он не бог. У тебя есть библиотека-ловушка и книга-подсказка, написанная почерком твоего мёртвого пациента. Что ты делаешь?»

Ответ пришёл мгновенно.

«То же, что и всегда. Ищешь паттерн.»

Паттерн — это повторяющаяся структура. В поведении, в событиях, в доказательствах. Если Аурелиан создал Ленмор как систему, основанную на вере, значит, в этой системе есть уязвимости. Любая система имеет уязвимости. Даже самая совершенная.

Где слабое место веры?

В сомнении. Но сомнение не возникает из ниоткуда. Оно требует доказательства противоречия. Если король верит, что он бог, нужно найти факт, который его вера не может объяснить. Факт, который противоречит его собственной системе.

Цветок из воздуха — не противоречие. Это подтвержде-

ние. Король создал цветок — значит, он может менять реальность. В рамках его системы это работает.

Гробница Ленор. Настоящая.

Если король не может воскресить Ленор, значит, он не всесилен. Но всесилие — не обязательное свойство бога. В большинстве религий боги имеют ограничения. Аурелиан может сказать: «Я не могу воскресить Ленор, потому что это нарушило бы порядок скорби, а скорбь — высшая ценность».

Рейвен открыл глаза.

— Мне нужно не доказательство всемогущества, — сказал он. — Мне нужно доказательство противоречия в его собственной вере.

Он встал и снова подошёл к стеллажу. Не к тому, где стояли законы, а к тому, где лежали книги по истории Ленмора. Если здесь есть история, значит, есть и факты. А факты — это якоря, которые не так легко сдвинуть даже силой убеждения.

Он нашёл том с названием «Хроники Ленмора: от основания до восшествия Аурелиана Первого». Книга была толстой, страницы — жёлтыми, с коричневыми пятнами по краям. Рейвен раскрыл её на первой странице.

Текст был написан на языке, который он не знал. Буквы — похожи на латинские, но с дополнительными значками, напоминающими нотные знаки. Он уже хотел закрыть книгу, когда заметил, что текст меняется.

Буквы перестраивались. Слова перетекали друг в друга. Через десять секунд вся страница была написана на чистом английском.

Рейвен выдохнул.

— Адаптивная типографика. Конечно. Почему бы и нет. Он начал читать.

«Ленмор не всегда был таким. Когда-то здесь были времена года. Было лето, была зима, была весна. Весной распускались белые цветы, которые назывались „Ленор“ в честь древней богини утраты. Считалось, что если сорвать такой цветок и спрятать под подушку, то во сне можно увидеть того, кого потерял.»

«Тридцать лет назад родился мальчик. Его назвали Аурелианом, что на древнем языке означало „золотой свет“. Он был сыном короля Олдрена и королевы Морвен. Никто не ждал от него ничего особенного — он был третьим сыном, наследником только в том случае, если бы оба старших брата умерли.»

«Они умерли. Оба. В одну ночь. От лихорадки, которая пришла с юга. Аурелиану тогда было двенадцать. Говорят, он не плакал на похоронах. Говорят, он смотрел на гробы братьев и улыбался. Но это только слухи.»

«В пятнадцать лет Аурелиан убил своего отца. Не мечом и не ядом. Он просто сказал: „Ты мёртв“. И король Олдрен упал замертво. Сердце остановилось. Вскрытие не показало никаких причин. В тот день Ленмор узнал, что такое Гип-

но-логика.»

Рейвен перечитал последний абзац три раза.

«Ты мёртв» — и человек умер. Не от страха. Не от инфаркта, вызванного испугом. Просто потому, что Аурелиан сказал это с абсолютной верой в свои слова.

— Если он может убить словами, — прошептал Рейвен, — почему он не убил меня? Почему он дал мне три дня?

Ответ был в следующем абзаце.

«Но сила Аурелиана имела предел. Он не мог убить того, кто не верил в свою смерть. Первый раз это случилось с женщиной по имени Ирена. Она была еретичкой — утверждала, что Ленмор — это сон, а король — всего лишь кошмар. Аурелиан сказал ей: „Ты умрёшь“. Она ответила: „Нет, не умру. Потому что тебя не существует“. И не умерла. Король пришёл в ярость. Он заточил Ирену в темницу и приказал пытать её до тех пор, пока она не признает его реальность. Она не признала. Она умерла на двадцатый день пыток — но не от его слова, а от ран.»

Рейвен захлопнул книгу.

Сердце колотилось. Он понял.

— Ключ не в том, чтобы доказать, что он не бог. Ключ в том, чтобы не верить, что он бог. Если я не буду верить — его слова не будут иметь надо мной власти.

Но это было проще сказать, чем сделать. Потому что Ленмор сам был создан верой Аурелиана. Воздух, стены, книги, свеча — всё это существовало, потому что король верил, что

оно существует. И Рейвен, находясь внутри этой реальности, уже начал в неё верить — хотя бы на уровне ощущений. Запах гниющих роз. Холод камня. Вкус воды из кувшина (он сделал глоток — вода была чистой, с привкусом металла).

— Я должен найти гробницу Ленор, — сказал он. — Там — ключ. Не в том смысле, в каком обычно понимают ключи. Не металлический предмет. А информация. Информация, которая разрушит его веру.

Он посмотрел на дверь. Без замка.

Стены, которые смотрят.

Книги, которые переписываются под читателя.

Мир, который подчиняется убеждению.

— Хорошо, — сказал Рейвен. — Вы хотите играть по правилам Ленмора? Я сыграю.

Он взял пустой лист бумаги, макнул перо в красные чернила и написал крупными буквами:

«Я, Майлз Рейвен, заявляю, что не верю в существование короля Аурелиана как бога. Я считаю его человеком, страдающим тяжёлым психическим расстройством. Моя вера в это утверждение составляет 100 процентов без каких-либо сомнений.»

Он положил лист на стол, поверх книги с посланием от Элиаса.

— Теперь посмотрим, как твоя Гипно-логика справится с письменным заявлением, — сказал он в потолок.

Потолок не ответил. Но Рейвену показалось, что балки

над ним скрипнули чуть громче, чем раньше.

Он усмехнулся и начал писать список вопросов для допроса Серены, когда она принесёт еду.

Первый вопрос: «Где находится настоящая гробница Лейнор?»

Второй: «Кто тот человек, который уже доказывал королю, что он не бог?»

Третий: «Почему вы носите маску, Серена?»

Четвёртый: «Что вы видите, когда смотрите на меня сквозь фарфор?»

Рейвен знал, что она не ответит на все. Может быть, не ответит ни на один. Но ответы были не главным. Главным было наблюдать за её реакцией. Любая реакция — это информация. Даже молчание.

Особенно молчание.

Свеча догорела наполовину. Рейвен подсчитал: она горит около трёх часов. Значит, до полного сгорания остаётся ещё три. Примерно столько же до того, как наступит утро в мире, где нет солнца.

Он откинулся на спинку стула (стул был деревянным, скрипучим, с резьбой в виде вороньих голов) и закрыл глаза.

Спать не хотелось. Внутри всё кипело. Но он заставил себя дышать ровно — вдох на четыре счёта, задержка на два, выдох на четыре. Техника, которую он освоил ещё в академии. Техника, которая спасала его от выгорания пятнадцать лет.

Он не заметил, как провалился в сон.

Проснулся от того, что кто-то смотрел на него.

Рейвен открыл глаза резко, без той сонной завесы, которая обычно мешает первым секундам бодрствования. Профессиональная привычка: спать вполглаза, просыпаться по первому сигналу. Сигналом сейчас было чужое присутствие.

Серена стояла в дверях.

Не у стола, не в двух метрах — именно в дверях, как чайной, который не решается войти. В руках она держала поднос: глиняная тарелка, покрытая тканью, кружка с паром, ложка. Фарфоровая маска блестела в свете новой свечи — старую кто-то заменил, пока он спал.

— Ты спал, — сказала Серена. В её голосе слышалось удивление.

— Люди спят, — ответил Рейвен, потирая шею. Спал он сидя, и теперь мышцы затекли. — Это нормально.

— В Ленморе никто не спит в камере перед судом. Обычно заключённые молятся. Или плачут. Или пытаются выцарапать глаза, чтобы не видеть кошмары.

— Я не склонен к театральности.

Рейвен встал. Серена не двинулась с места, но он заметил, как её пальцы сжали поднос сильнее. Белые костяшки там, где перчатки не закрывали руки.

— Ты принесла еду, — сказал он. — Спасибо. Поставь на стол.

— Я должна дождаться, пока ты поешь. Забрать посуду.

— Тогда заходи. Не бойся.

— Я не боюсь.

— Тогда почему ты стоишь в дверях?

Серена шагнула вперёд. Один шаг. Второй. Поднос звякнул, когда она поставила его на стол. Рейвен заметил, что она старается не смотреть на бумаги, которые он оставил на виду — свои записи, декларацию неверия, ту самую странную книгу, которая заговорила с ним почерком мёртвого человека.

— Ты пишешь, — сказала она.

— Да.

— Что именно?

— Доказательства того, что ваш король — человек.

Серена замерла. Это была не пауза, а полная остановка — как будто кто-то нажал на паузу в фильме. Даже складки её балахона перестали шевелиться.

— Ты не должен так говорить, — произнесла она наконец.

— Стены слышат.

— Я знаю. Я на это и рассчитываю.

Рейвен сел за стол и откинул ткань с тарелки. Еда оказалась серой — серая каша, серый хлеб, что-то серое, похожее на мясо, но без запаха и текстуры. Он попробовал кашу. Пресно. Ни соли, ни сахара, ни специй. Просто калории, чтобы не умереть с голоду.

— Вкусно? — спросила Серена. Вопрос прозвучал как из-

девательство, но Рейвен понял, что она спрашивает всерьёз.

— Нет, — сказал он. — Но это не важно. Важно, что еда есть. Спасибо и за это.

Он ел медленно, тщательно пережёвывая. Серена стояла рядом, наблюдая. Молчание затягивалось, и Рейвен решил нарушить его первым.

— Серена, сколько ты служишь Стражем Порядка?

— Десять лет.

— До этого ты кем была?

— Никем. В Ленморе никто не был никем до того, как король дал им имя.

— А какое имя дал он тебе?

— Серена.

— Я имею в виду — до Серены. Твоё настоящее имя. До Ленмора.

Женщина в маске не ответила. Но Рейвен заметил, как её плечи чуть опустились — жест, который в его практике означал либо усталость, либо подавленную боль.

— Ты не помнишь, — сказал он. — Или тебе запрещено помнить.

— Король сказал, что прошлое — это роскошь, которую Ленмор не может себе позволить. Прошлое — это сомнения. Сомнения — это трещины в реальности. Если мы начнём вспоминать, кто мы были до Ленмора, мы перестанем верить в то, что мы есть сейчас. А если мы перестанем верить — мы исчезнем.

Рейвен отложил ложку.

— Это очень удобная философия, — сказал он. — Запретить прошлое, чтобы контролировать настоящее.

— Это не философия. Это закон.

— Законы можно менять. Вопрос в том, кто их меняет и почему.

Он посмотрел ей прямо в маску — туда, где должны были быть глаза. Прорези были такими узкими, что он не видел даже зрачков. Но он знал, что она смотрит на него. Чувствовал это кожей.

— Серена, я хочу задать тебе несколько вопросов, — сказал он. — Ты не обязана отвечать. Но если ответишь — это не будет предательством. Это будет помощью человеку, который пытается понять.

— Ты не человек, — сказала она. — Ты еретик.

— Я человек. Такой же, как ты. Просто я помню своё прошлое. И ты его помнишь — где-то глубоко, там, куда даже король не может заглянуть.

Серена отвернулась. Это было нарушение протокола — Страж Порядка не должен отворачиваться от заключённого. Но она отвернулась. И Рейвен понял, что попал в цель.

— Где находится настоящая гробница Ленор? — спросил он.

— Зачем тебе?

— Потому что король сказал, что каждое утро он хоронит Ленор. Но гроб во дворце — пустой. Значит, настоящая

гробница где-то ещё. Если я её найду, я смогу понять, что на самом деле случилось с девушкой. А это — ключ к безумию короля.

— Ты думаешь, Ленор существовала на самом деле?

— А ты так не думаешь?

Серена молчала так долго, что Рейвен уже решил: она не ответит. Но потом она сказала — тихо, почти шёпотом:

— Все думают, что Ленор — это символ. Выдумка. Красивая ложь, чтобы оправдать вечный траур. Но я видела её. Один раз. Когда только стала Стражем. Меня привели во дворец ночью — наказать за ошибку. И я прошла мимо комнаты, где горел свет. Дверь была приоткрыта. Внутри стоял гроб. Не тот, в тронном зале. Другой. Деревянный, оббитый чёрным бархатом. И в нём лежала девушка.

— Ты узнала её имя?

— На табличке было написано: «Ленор, дочь короля». Но у Аурелиана нет детей. Никогда не было.

— Где эта комната?

— В восточном крыле. Третий этаж. Но туда нельзя попасть. Дверь заперта не замком. Она заперта мыслью. Король каждый день думает: «Этой комнаты не существует». И пока он так думает, её действительно нет.

Рейвен запомнил это. Восточное крыло. Третий этаж. Комната, которой нет, потому что король запретил ей быть.

— Кто тот человек, который уже доказывал королю, что он не бог? — спросил он.

Серена вздрогнула. Её тело реально дёрнулось, как от удара током.

— Откуда ты знаешь о нём? — спросила она.

— Книги. В этой библиотеке есть книги, которых здесь не должно быть.

— Не называй его имя. Если король услышит имя — он убьёт того, кто его произнёс. Даже если это имя произнесено шёпотом. Даже если оно произнесено в мыслях.

— Тогда скажи мне, не называя имени. Кто он? Мужчина? Женщина? Откуда он пришёл?

— Он пришёл оттуда же, откуда и ты, — сказала Серена.

— Из мира без магии. Из мира, где всё подчиняется правилам. Он был лекарем для головы. Как ты.

Рейвен почувствовал, как внутри что-то оборвалось.

— Его звали Элиас? — спросил он.

Серена не ответила. Но её молчание было громче любых слов.

— Он жив? — спросил Рейвен.

— Он исчез. После того как доказал королю, что тот не бог, он не стал требовать награды. Не стал просить свободы. Он просто перестал быть. Как будто его никогда и не было. Иногда мне кажется, что я выдумала его. Но потом я вижу пустоту в библиотеке — там, где стояли его книги. Их изъяли. Все. Кроме одной.

— Которую ты спрятала для меня, — сказал Рейвен. Это был не вопрос. Это было утверждение.

Серена медленно кивнула.

— Я не знала, что она для тебя. Я просто нашла её много лет назад, в самом дальнем углу, за стеллажом. Она была пустой. Я хотела её выбросить, но что-то остановило. А сегодня, когда король приказал привести тебя, книга заговорила. Не словами. Ощущением. Я поняла, что должна положить её на стол в твоей камере.

— Почему ты помогаешь мне, Серена?

— Я не помогаю тебе. Я помогаю себе. Я хочу знать правду. Десять лет я ношу эту маску и делаю вид, что скорблю. Но внутри меня — пустота. Я не чувствую скорби. Я чувствую только усталость. И страх. И иногда злость. Злость на короля, который заставил нас забыть, кто мы.

Она сняла маску.

Рейвен не ожидал этого. Фарфор отлепился от её лица с влажным чмокающим звуком — маска крепилась не на лентах, а на чём-то другом, возможно, на самой коже. Под маской оказалось обычное женское лицо. Усталое. Бледное. С тёмными кругами под глазами. Лет сорока. С морщинами вокруг губ — морщинами, которые появляются у тех, кто много лет сжимает рот, чтобы не закричать.

Её глаза были чёрными. Абсолютно чёрными — без белков, без зрачков, без радужки. Две бездны, в которых тонул свет свечи.

— Видишь? — сказала она. — Даже без маски я не могу стать прежней. Король изменил нас. Навсегда.

Рейвен смотрел в её чёрные глаза. Профессиональная часть его мозга фиксировала аномалию. Человеческая часть — та, которую он старался не слушать, — кричала от ужаса.

— Я помогу тебе, — сказал он. — Не потому что я добрый. А потому что ты — моё единственное окно в этот мир. Если я спасусь — я заберу тебя с собой. На Землю. Там врачи вернут тебе нормальные глаза. И память. И имя.

— У меня нет имени.

— Тогда я дам тебе новое. Когда всё закончится.

Серена надела маску обратно. Движения были быстрыми, почти паническими — как будто она боялась, что кто-то увидит её лицо.

— Что вы видите, когда смотрите на меня сквозь фарфор? — спросил Рейвен.

— Смерть, — ответила Серена. — Не твою. Ту, что идёт за тобой. Она всегда рядом с тобой, Майлз Рейвен. Я вижу её с того момента, как ты открыл глаза в этой камере. Она стоит у тебя за спиной и ждёт. Не король убьёт тебя. Она.

— Ты веришь в смерть как в сущность?

— В Ленморе сущности верят в нас. Это наш главный закон. Если ты достаточно сильно веришь во что-то, оно становится реальным. Король верит, что он бог — и он бог. Я верила, что маска защищает меня от прошлого — и она защищала десять лет. Ты веришь, что смерть идёт за тобой — и она придёт.

Рейвен покачал головой.

— Я не верю в смерть как в сущность. Я верю в смерть как в биологический процесс. Прекращение сердцебиения, мозговой активности, метаболизма. Никакой женщины в чёрном с косой.

— Твоя вера слабее, чем вера Ленмора, — сказала Серена. — Здесь слова имеют вес. И слово «смерть» — самое тяжёлое из всех.

Она взяла поднос. Каша была съедена почти полностью — Рейвен заставил себя доесть всё, хотя пресная масса едва лезла в горло.

— У тебя осталось два дня, — сказала Серена. — Если хочешь найти гробницу Ленор — иди сегодня ночью. Днём коридоры полны Стражей. Ночью они спят. Но помни: стены не спят никогда.

Она повернулась к двери.

— Серена, — окликнул её Рейвен. — Спасибо.

Она замерла на пороге.

— За что?

— За то, что ты всё ещё хочешь знать правду. В мире, где правду запрещено помнить, это дорогого стоит.

Серена ничего не сказала. Она вышла в коридор, и дверь за ней закрылась сама собой — без скрипа, без звука, как будто её и не было.

Рейвен остался один.

Он посмотрел на свечу. Она догорела ровно наполовину — значит, прошло около трёх часов с момента его пробуж-

дения. У него было ещё два дня и девять часов. Или около того. Время в Ленморе текло странно — не равномерно, а рывками, как песок в старых часах, который застревает в горловине.

Он встал и подошёл к двери.

Толкнул.

Дверь открылась.

В коридоре было темно. Абсолютно темно — ни свечей, ни факелов, ни лунного света из окон. Окон здесь вообще не было. Рейвен сделал шаг вперёд и почувствовал под ногами каменный пол — холодный, скользкий, покрытый чем-то, напоминающим слизь.

Он вытянул руку и коснулся стены. Камень был влажным. И тёплым. Как живая плоть.

Стены помнят, подумал он. И стены смотрят.

Он пошёл вперёд, не зная, куда идёт. Коридор вился, разветвлялся, сужался и расширялся, как пищевод гигантского животного. Где-то далеко капала вода — ритмично, как метроном. Рейвен пошёл на звук.

Капля привела его к лестнице. Она шла вверх — крутая, винтовая, ступени из чёрного мрамора. Он начал подниматься, считая ступени по привычке, хотя сам не понимал, зачем ему это число. На десятом пролёте лестница кончилась.

Он оказался в коридоре, который пах иначе.

Здесь пахло ладаном. И розами. Живыми розами, не теми чёрными, гниющими, которые лежали в его первой камере.

Настоящими, свежими, с капельками воды на лепестках.

Рейвен двинулся по запаху. Коридор расширился. В конце его была дверь. Не деревянная, как в камере. Не железная. Дверь из чёрного стекла — такого же, как трон Аурелиана. На уровне глаз на стекле были выцарапаны слова:

«ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ЛЕНОР. ТА, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ
ОПЛАКИВАТЬ, ПОТОМУ ЧТО ПЛАЧ ПО НЕЙ НИКО-
ГДА НЕ КОНЧИТСЯ.»

Рейвен положил ладонь на стекло. Оно было холодным. Но под холодом чувствовалось что-то ещё — тепло, как от тела, спящего по ту сторону.

Он толкнул дверь.

Она не поддалась.

Тогда он закрыл глаза и сказал, обращаясь к пустоте:

— Этой комнаты не существует. Король так думает каждый день. Но я — не король. Я думаю иначе. Я думаю, что эта комната есть. И я в неё войду.

Он толкнул снова.

Стекло треснуло.

Не пошло паутиной, как обычное стекло. Оно треснуло одним длинным, идеально прямым разломом — от верхнего края до нижнего. Сквозь трещину пахнуло холодом и розами.

Рейвен шагнул внутрь.

ГЛАВА ВТОРАЯ. «ЧЕРНЫЙ КОТ И КИРПИЧНАЯ СТЕНА»

Комната была маленькой.

Рейвен ожидал чего-то грандиозного — собора, склепа, хотя бы зала с колоннами. Но комната, в которую он вошёл, напоминала спальню ребёнка. Метра три на четыре. Низкий потолок. Одно окно — заколоченное досками, но сквозь щели сочился серый свет, хотя снаружи должна была быть ночь. В углу — кровать под балдахином. Балдахин чёрный, бархатный, с потёртостями. На кровати — гроб.

Не тот стеклянный, что стоял в тронном зале. Этот был деревянным, тёмным, с медными ручками по бокам. Крышка — приоткрыта.

Рейвен подошёл ближе. Пол скрипел под ногами — доски, не камень. Обычные сосновые доски, какие бывают в старых домах. Запах ладана здесь смешивался с запахом детской присыпки и ещё чего-то сладковатого, тошнотворного — формалина или того, что заменяло здесь формалин.

Он заглянул в гроб.

Девушка лежала с закрытыми глазами. Ей было лет семнадцать — восемнадцать. Тонкие черты лица, светлые волосы, рассыпанные по подушке из чёрного шёлка. Белое платье с кружевными манжетами. На груди — сложенные руки, меж-

ду пальцами зажат засохший цветок. Чёрная роза, конечно.

Она не выглядела мёртвой. Она выглядела спящей. Щёки розовые, губы влажные, ресницы длинные и тёмные — такие бывают у живых, не у покойниц.

— Ленор, — тихо сказал Рейвен.

Девушка не ответила. Конечно, не ответила. Она была мертва. Или нет? Он протянул руку к её лицу, замер в сантиметре от щеки. Кожа казалась тёплой. Он знал, что труп остывает — примерно на градус в час, пока не сравняется с температурой окружающей среды. В комнате было холодно, градусов десять. Если бы девушка была мертва, её кожа была бы ледяной.

Он коснулся.

Тёплая.

Рейвен отдернул руку, будто обжёгся. Сердце заколотилось где-то в горле. Он сделал шаг назад, упёрся спиной в стену и заставил себя дышать. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

— Она не мертва, — сказал он вслух, чтобы услышать свой голос. — Или она мертва, но здесь другие законы физики. Или она никогда не была живой. Или...

Он не договорил. Потому что в углу комнаты что-то шевельнулось.

Рейвен резко повернулся. В углу, за кроватью, сидел кот. Чёрный. Огромный — размерами с небольшого пса. Глаза жёлтые, вертикальные зрачки сужены в щёлочки, хотя в комнате было темно. Кот смотрел на Рейвена. Не просто смот-

рел — оценивал. Взглядом хищника, который решает, стоит ли нападать или лучше подождать.

— Ты, наверное, тот самый чёрный кот, — сказал Рейвен.
— Из закона. Кто украдёт чёрного кота — будет заживо замурован.

Кот моргнул. Один раз. Медленно, как будто подтверждая: да, это я.

Рейвен никогда не боялся кошек. Но эта кошка заставляла его бояться. Не потому, что она была большой или дикой. А потому, что она была неправильной. Её шерсть не лежала ровно — она стояла дыбом, хотя животное не выглядело напуганным или злым. Её хвост двигался не плавно, а рывками — дёрг, пауза, дёрг, как у сломанного механизма. И самое странное — у кота не было тени.

При свете серой луны (или чего там светило сквозь заколоченное окно) все предметы в комнате отбрасывали тени. Кровать отбрасывала. Гроб отбрасывал. Даже подсвечник на туалетном столике отбрасывал тонкую кривую тень. А кот — нет.

Рейвен перевёл взгляд на девушку в гробу. У неё тоже не было тени.

— Значит, вы оба из одного материала, — сказал он. — Или не из материала вовсе.

Кот встал. Потянулся — длинно, сладко, как делают все кошки после сна. Потом прыгнул на край гроба и уселся там, прямо у изголовья Ленор. Жёлтые глаза смотрели на Рейве-

на с выражением, которое он не мог прочесть. В кошачьих глазах вообще трудно что-то прочесть, но сейчас ему казалось, что кот насмехается над ним.

— Ты знаешь, что здесь происходит? — спросил Рейвен.

Кот мявкнул. Обычное кошачье «мяу», но в этом звуке было что-то человеческое. Не то чтобы кот заговорил — нет, звук оставался звуком животного. Но интонация... Интонация была вопросительной. Как будто кот переспрашивал: «А ты сам-то знаешь?»

Рейвен подошёл к туалетному столику. Там стояли вещи, которые могли принадлежать молодой девушке: расчёска с выпавшими волосами, зеркальце в серебряной оправе, флакон духов с надписью «Ленор» на этикетке, книга. Не та, что в библиотеке. Другая. Маленькая, в кожаном переплёте, с застёжкой.

Он открыл застёжку. Ключик щёлкнул — металлический, настоящий, не иллюзорный. На первой странице было написано изящным женским почерком:

«Дневник Ленор. Если ты читаешь это — значит, меня уже нет. Или я сплю. Или я наконец проснулась. Я сама не знаю, что хуже.»

Рейвен сел на край кровати (балдахин качнулся, посыпалась пыль) и начал читать.

«Сегодня отец пришёл ко мне в комнату. У него были красные глаза. Он сказал, что видел сон. В этом сне он был богом. Не королём — богом. Он создавал миры одним сло-

вом и разрушал их одним вздохом. Я спросила: «Это был просто сон, папа». Он посмотрел на меня так, будто я сказала что-то кощунственное. «А что такое сон? — спросил он. — Может быть, сон — это единственная настоящая реальность, а всё, что мы называем явью — просто сон внутри сна?»

Я не знала, что ответить. Мне было двенадцать.»

Рейвен перелистнул несколько страниц.

«Мне пятнадцать. Отец изменился. Он больше не улыбается. Он больше не выходит из дворца. Он спит по три часа в сутки, а остальное время пишет законы. Сегодня он издал указ, что все граждане Ленмора должны носить чёрные глаза. Я спросила, как это возможно. Он сказал: «Если они достаточно сильно захотят — их глаза станут чёрными. А если не захотят — я заставлю их захотеть».

Я боюсь его. Я боюсь не потому, что он злой. Я боюсь, потому что он верит. Когда человек верит достаточно сильно, он перестаёт слышать других. Отец больше не слышит меня.»

«Мне семнадцать. Сегодня он сказал, что я умру. Не потому, что он хочет моей смерти. А потому, что моя смерть сделает Ленмор вечным. Он сказал: «Если ты умрёшь, Ленор, я буду скорбеть о тебе вечно. А вечная скорбь — это единственное, что может удержать этот мир от распада. Ты станешь моим якорем. Моей Ленор. Моей вечной утратой».

Я спросила: «Ты хочешь меня убить?»

Он ответил: «Я хочу, чтобы ты умерла. Это разные ве-

щи».»

Рейвен закрыл дневник. Руки дрожали.

Он посмотрел на девушку в гробу. Ей было семнадцать, когда отец решил, что она должна умереть. Не убил — просто решил. И его решение стало реальностью, потому что в Ленморе реальность подчиняется вере. Он поверил, что его дочь мертва — и она умерла. Или перестала быть живой. Или застряла между жизнью и смертью, как этот кот, у которого нет тени.

Кот всё ещё сидел на краю гроба. Теперь он мыл лапу — тщательно, с каким-то вычурным изяществом, как будто знал, что за ним наблюдают.

— Ты был её котом? — спросил Рейвен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.